

ОПЫТ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НЕИЗВЕДАННОЙ ЗЕМЛЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ (1917—1950-е ГОДЫ)

АЛЕКСАНДРОВ Д. А., КРЕМЕНЦОВ Н. Л. (Ленинград)

Долгое время социальная история советской науки была во многом вотчиной зарубежных исследователей. Библиография зарубежных работ, посвященных социокультурным аспектам развития науки в СССР, содержит не одну сотню единиц — от небольших статей до фундаментальных монографий и коллективных сборников. Работы А. Вусинича, Л. Грэхема, Д. Жоравского, Л. Любрано, Н. Ролл-Хансена, Ш. Фитцпатрик и других ученых посвящены различным моментам истории русской и советской науки. От описания общей картины зарубежных исследователи переходят к детальному анализу взаимодействия социальных и внутринаучных факторов развития в конкретных областях знания. Таковы, например, работы М. Адамса о генетике и евгенике и Д. Винера по истории экологии и охраны природы.

Это не значит, что советским историкам ничего уже в этой области делать не нужно. Скорее наоборот. Зарубежные исследования по большей части основаны на опубликованных материалах и практически не используют архивные источники. Освоение богатейших архивных хранилищ — важнейшая задача отечественных историков. Однако работа по поиску архивных (да и опубликованных) материалов невозможна без некоторых «рабочих», предварительных соображений о том, что именно надо искать.

В статье дается предварительный очерк социальной истории советской науки 20—50-х годов, намечаются некоторые ориентиры научного поиска и направления исследований. Мы, естественно, отмечаем только то, что представляется интересным и важным именно нам, — очерк не претендует на всесторонность и полноту.

Основные факты и даты государственной и политической истории науки и высшей школы в СССР, в том числе упоминаемые в нашей статье, приводились в различных сводках отечественных и зарубежных историков. К наиболее доступным мы отсылаем читателя [13—16].

Оба автора занимаются историей биологии, и примеры, которые иллюстрируют те или иные положения, взяты в основном из этой области. Однако мы надеемся, что наша статья окажется небесполезной для историков разных областей науки.

Сукцессия¹ науки

«Свободный труд свободно собравшихся людей» (1917—1928 гг.). После гражданской войны, голода, болезней и разрухи, вызвавших значительную эмиграцию и смертность части русских ученых, социальная организация науки в стране во многом складывалась заново. Усилиями молодой Советской власти были созданы комиссии (ПетроКУБУ, ЦЕКУБУ и пр.) по поддержанию существования деятелей науки, быстрому восстановлению научных учреждений и организации новых лабораторий, институтов, обществ и т. п.

Для развития советской науки этого периода были характерны рост численности научных кадров и научных направлений, а также их дифференциация,

¹ «Последовательность изменений биотического сообщества, происходящих в нарушенном местообитании, называется сукцессией» (см., например, Риклефс Р. Основы общей экологии. М., 1979, с. 355).

выразившиеся в большом разнообразии возникающих научных обществ, учреждений, изданий. Обращает на себя внимание быстрая институционализация (т. е. организация **специальных** лабораторий, кафедр, институтов, обществ, журналов) целого ряда научных направлений, до 1917 г. в России отсутствовавших или находившихся в зачаточном состоянии.

При общем взгляде на советскую науку можно предположить, что развитие научного сообщества протекало в целом быстро и «естественно». Почти все отрасли и направления исследований имели возможности свободного развития. Об исключениях речь пойдет ниже.

Очень важен вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов такого развития. К числу внешних факторов мы относим политические, экономические, партийно-идеологические — государственный и социальный заказ или репрессии; к внутренним — ориентацию научных интересов, ценности и идеалы научного познания, традиции и мотивации научной деятельности и пр., распространенные в данном научном сообществе. Таковую совокупность традиций, форм и мотиваций поведения ученых принято называть «этосом науки» (от греч. *ethos* — обычай, нрав, характер) [11].

Можно показать, что в рассматриваемый период государственный и социальный заказы воспринимаются и рационализируются большинством ученых как внутринаучный стимул. Основой такой рационализации явилось широкое распространение в среде русской интеллигенции таких идей как «служение народу», «наука и прогресс человечества», «роль науки в социальных преобразованиях», «наука, человек и общество будущего», определявших этос русской науки. Как известно, подавляющая часть русской интеллигенции с энтузиазмом встретила социальную революцию, хотя и не была согласна с формами и методами ее реализации. Именно таким совпадением внешних и внутренних стимулов объясняется, на наш взгляд, широкое развитие **прикладных** исследований в самых разных областях науки. Многие видные ученые, занимавшиеся до революции «чистой» наукой, обращаются к решению прикладных задач. В качестве примера можно упомянуть, что с 1920 по 1922 г. прошло три (!) всероссийских съезда, посвященных защите растений, в которых приняли участие крупнейшие ботаники и зоологи России. Другим примером является III Съезд российских физиологов в 1928 г., на котором более трети сообщений было посвящено физиологии труда.

Можно также предположить, что помимо прямого заказа и финансирования прикладных исследований (план ГОЭЛРО и др.) существовало идейное влияние на ориентацию познавательных интересов ряда крупных ученых со стороны некоторых видных деятелей партии и революционной интеллигенции (А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, А. А. Богданов, А. К. Гастев, А. М. Горький, М. Н. Покровский и др.), интересовавшихся развитием науки и отдельных ее дисциплин. Вероятно, эти же люди, либо сами, либо используя свое влияние на отдельных руководителей партии и государства, имели возможность финансово и организационно поддержать интересовавшие их научные направления.

«**Введение монокультуры и монополизация науки**» (конец 1920-х — 1950-е годы). С конца 20-х годов наряду с продолжающимся ростом численности работников и учреждений начинается свертывание целого ряда научных направлений, которое захватывает различные дисциплины и тянется вплоть до 50-х годов. В дисциплинах, тесно связанных с идеологией и политикой (философия, социология, история, в особенности новая и новейшая), этот процесс начался значительно раньше, но для большинства наук он приходится на 1928—1929 гг. Заметное уменьшение разнообразия направлений научной деятельности свидетельствует о ненормальных условиях развития научного сообщества.

В процессе монополизации можно выделить две относительно независимые компоненты. Первая — элиминация научных направлений через уничтожение базовых для них учреждений (лабораторий, обществ, журналов) под идеологическим и/или государственным нажимом. В числе «закрытых» направлений

можно назвать евгенику, психоанализ, педологию, психотехнику, научную организацию труда. А в качестве иллюстрации можно привести судьбу Бюро по евгенике при КЕПС, которая достаточно ясно просматривается в изменении названий его печатных органов: № 1—3 (1922—1925 гг.) — «Известия Бюро по евгенике»; № 4—5 (1926—1927 гг.) — «Известия Бюро по генетике и евгенике»; № 6—8 (1928—1930 гг.) — «Известия Бюро по генетике»; № 9 (1932 г.) — «Труды лаборатории генетики АН СССР».

Отнюдь не во всех случаях нам известны прямые директивы, «закрывающие» то или иное направление (лабораторию, журнал, общество...), их причины, инициаторы и конкретные исполнители. Очевидно, что главной причиной репрессий против отдельных научных дисциплин и направлений явились общая идеологизация и огосударствливание всей советской культуры.

Вторая компонента процесса монополизации — подавление и «поглощение» научных направлений внутри отдельных отраслей «конкурирующими» школами. Эта компонента присуща нормальному развитию любой науки. Однако в условиях огосударствливания и идеологизации она приобретает специфические черты. Как следствие «поглощения» научных направлений происходит процесс «присвоения» их познавательных функций (описание и объяснение определенно-го класса объектов и явлений) другими конкурирующими направлениями.

В этосе науки заложено стремление ученого к широкой экспансии: расширению круга учеников и сотрудников, получению для собственных исследований лабораторий и институтов и в конечном счете подчинению всех исследований в данной области науки собственной теории. Но ученый склонен считать свою теорию самой лучшей и даже единственно верной, что вынуждает его бороться с научными оппонентами. В условиях же свободы научной критики, существования независимых источников финансирования и естественной дифференциации познавательных интересов, приводящей к дифференциации научного сообщества, тенденция отдельных ученых и коллективов к монополии на истину (и соответственно на источники финансирования) уравнивается аналогичными устремлениями конкурентов. При этом в демократическом обществе отсутствуют механизмы, позволяющие монополистским тенденциям вылиться в тотальное единомыслие. Такие механизмы появляются лишь в условиях полного огосударствливания науки.

В качестве примера монополизации можно привести выдвижение исследований в области физиологии высшей нервной деятельности (павловская школа) в ущерб различным направлениям в изучении поведения животных и человека. Так, уже в 1921 г. Главный ученый совет при Наркомздраве РСФСР отклонил предложение Г. П. Зеленого об открытии специального института по изучению поведения животных и человека. Это решение было принято, учитывая мнение И. П. Павлова о том, что изучение поведения «есть предмет физиологии» и «желательно не выделение этих новых исследований из физиологической лаборатории, а, наоборот, необходима более тесная связь их с физиологической лабораторией» [1, с. 23]. Тем не менее в это время возникает целый ряд зоопсихологических лабораторий и станций (правда, в основном в ведении Наркомпроса), занимавшихся изучением поведения с иных, не физиологических позиций. Однако уже в 1928 г. руководитель одной из таких лабораторий А. В. Леонтович писал: «Конечно, ныне, когда мы имеем уже „Двадцатилетний опыт“ И. П. Павлов в области условных рефлексов, нет недостатка в людях, которым кажется излишним существование подобного учреждения» [2]. Сама по себе эта фраза выглядит невинной жалобой неудачника на происки конкурента, если не знать, что эта лаборатория, как и ряд других, вскоре закрылась.

Примеры монополизации можно найти и в других отраслях науки. Но для каждой научной дисциплины важно выявить соотношение и взаимодействие внутринаучных стремлений с политическими и идеологическими условиями выдвижения определенной школы на роль монополиста. Интересно также выяснить конкретные причины, формы и способы монополизации; участие и роль

в этих процессах официальных идеологов, воинствующих философов и философствующих ученых. Не исключено, что в отдельных дисциплинах идеологический нажим трансформировался в сознании ученых во внутринаучные аргументы для отрицания того или иного направления исследований.

По нашему мнению, стремление к тотальному объяснению действительности с позиций одной научной концепции и тоталитарность общества не простое созвучие, а свидетельство формирования определенного типа сознания и мышления, в том числе и научного. Тоталитарное сознание стремится к уничтожению «лишних» сущностей, упрощению и однозначности выдвигаемых объяснений действительности, что наиболее ярко выявилось в вульгарной интерпретации марксизма как всеобъемлющей и всеобъясняющей научной теории.

Идеологизация науки: «каков поп — таков и приход»

Вычисление наименьшего кратного. Важнейшим вопросом в изучении идеологизации является выяснение путей и форм влияния государственной идеологии на науку. На наш взгляд, в истории советской науки преобладал самый прямой путь — принудительное внедрение в науку вульгаризованного марксизма². Все науки были приведены к общему философскому знаменателю.

Тенденция к идеологизации науки, безусловно, была заложена в самой марксистской концепции науки. Основой взаимоотношений идеологии и науки в СССР явилась идея «пролетарской» науки А. А. Богданова. Несмотря на официальное закрытие «Пролеткульта», посеянные им семена дали обильные всходы. В результате «пролетаризации» философия и идеология победившего класса стали рассматриваться в качестве всеобщего основания, пригодного для любых научных построений.

Марксизм стал своего рода образцом для всех наук и в ином отношении. Характерные для него общая претензия на неопровержимость предлагаемых объяснений, лексика и стилистика, манера аргументации и полемики переносились в научную деятельность. Сама словесность российской революционной философии была густо пропитана духом политической борьбы. Тем самым в науку незаметно внедрялись чуждые научному этосу приемы политической деятельности. Именно вульгаризованный марксизм оказался той универсальной отмычкой, которая открыла двери всех наук для идеологизации и монополизации.

Приведем конкретные примеры из истории отдельных наук и дисциплин. Удобным способом изучения процессов внедрения в науку идеологии и политики является анализ изменений в научной словесности. При этом можно выявить изменения в терминологии, обоснованиях, аргументации, появление и развитие характерного антуража «введений» и «заклучений» научных публикаций.

Зарубежные исследователи разграничивают легко идеологизируемые «мягкие» и трудно идеологизируемые «твердые» науки. Действительно, в процессе приведения к общему философскому знаменателю отдельные науки «делились на марксизм» по-разному. Практически все гуманитарные науки, в которых интерпретация есть неотъемлемая часть научного исследования, «делились на марксизм» без остатка. Так, в истории или социологии любой научный материал мог быть интерпретирован с позиций марксизма. Это привело к тому, что идеологизация этих наук началась в первой половине 20-х годов, а ученые, несогласные с марксистской трактовкой, были фактически сразу «исключены» из научного сообщества. В материале же такой науки, как математика, наиболее существенным является «неделимый остаток» самих математических построений, независимый ни от каких интерпретаций. Идеологизированными, и то

² Мы не рассматриваем эволюцию самого российского марксизма — это дело историков философии (см., например, [3]). В дальнейшем, употребляя слово «марксизм» мы будем иметь в виду именно вульгаризованное и упрощенное изложение марксистской философии, бытовавшее в описываемый период истории нашего общества.

в незначительной степени, оказались лишь такие разделы, как методология и основания математики. Возможно, это обусловило сохранение самой математики и большого числа ученых-математиков независимо от их философских позиций. Между этими полюсами — история и математика — распределяется множество естественных наук, в различной степени подвергшихся идеологизации.

На наш взгляд, необходимы сравнительные исследования степени идеологизации различных научных дисциплин и направлений, что потребует изучения не только причин репрессий и характера дискуссий в отдельных науках, но и анализа общеупотребимых неполемических научных текстов. Интересный материал в этом отношении представляют школьные и вузовские учебники, выпускавшиеся в разные годы, детальный анализ текстов которых позволит увидеть, как, когда и насколько глубоко проникла идеология в язык отдельных наук.

Другой чрезвычайно важной проблемой является изучение влияния идеологии на ориентацию познавательных интересов научного сообщества. Идеология «социалистического строительства», «переделки общества, человека и природы», «покорения и преобразования природы» во многом совпала с установками самих ученых и оказала значительное влияние на развитие целого ряда научных направлений. Практически неизученным остается вопрос о конкретных проводниках этих идеологов в научное сообщество.

Апелляция к «городовому». Идеологизация науки привела к существенному изменению стиля и содержания научной полемики. В научной дискуссии принято опираться на эмпирический материал и логику размышлений. В условиях «приведения к общему знаменателю» происходит замена научных аргументов внеучеными. Все чаще в критических работах и выступлениях апелляция к логике рассуждений и эмпирическому материалу заменяется апелляцией к «авторитету». Можно предположить, что происходило также изменение и сущности внеученных аргументов. Оставаясь по форме отсылкой к «классикам» философии и науки, они по содержанию изменялись от апелляции к «авторитету» до апелляции к «городовому» — идеологической власти, превращаясь по сути дела в политические доносы.

В этом отношении весьма характерна практика публикации научных критических статей на страницах партийных органов («Правда», «Под знаменем марксизма», «Большевик» и пр.) или широко рекламировавшееся «одобрение» в ЦК ВКП(б) доклада Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ.

Важно проследить, как и когда в конкретных науках происходила последовательная смена содержания, лексики и стилистики критических выступлений. Например, в психологии эволюция критики хорошо заметна при сравнении аргументов П. П. Блонского и К. Н. Корнилова против концепции Г. И. Челпанова с аргументацией противников Корнилова в реактологической дискуссии 1931 г.

Не рой другому яму... Ученый, вводящий в полемику внеученные аргументы, рискует, что против него будут использованы его же приемы. Апеллируя к «городовому», он тем самым утверждает нормальность, естественность подобной аргументации в научной дискуссии. Вводя в обоснование и язык научной концепции внеученные аргументы, он дает в руки «противникам» свое же оружие и подставляет выдвигаемую концепцию под удар внеученной же критики. Характерно, что практически все идеологизированные концепции 20-х годов впоследствии были разгромлены, а их сторонники так или иначе репрессированы. Примеры более чем многочисленны: школа Покровского в истории, школы Корнилова и Блонского в психологии, марризм в языкознании, «механисты» и «диалектики» в биологии и т. д.

Нельзя не отметить, что эта схема повторяет схему партийных дискуссий и репрессий, когда концептуальное оружие уничтоженных оппозиций использовалось для уничтожения новых «оппозиционеров», а идеологические репрессии 20-х годов открывали дорогу репрессиям конца 30-х. По-видимому, в науке эта тактика была не просто слепком с партийной борьбы. Скорее во всех случаях

проявляется достаточно независимо внутренняя логика такого рода «дискуссий», формируемая их целями.

Изучение истории репрессий в науке зачастую ограничивается рамками «монополистского» периода, оставляя в стороне дискуссии 20-х годов, в которых оттачивалось оружие, использованное затем в массовых репрессиях 30—40-х годов.

Фетишизация научного авторитета, или поиски «культурного героя». В условиях идеологизации менялось и значение самих научных авторитетов. Происходило присвоение отдельным ученым (чаще — умершим) звания главного и непогрешимого специалиста в данной области знания. Всякое отклонение от идей основоположника расценивалось как покушение на устои. На фетишизированные авторитеты была перенесена вся полнота власти на владение истиной в последней инстанции. Особенно наглядно это проявилось в историко-научных работах 1940—1950-х годов, почти целиком посвященных утверждению приоритета отечественных ученых во всех науках.

Интересно рассмотреть взаимодействие естественного уважения к выдающемуся ученому с насаждением культа «корифеев». Так, например, ученики Н. Я. Марра или И. П. Павлова вполне искренне восхищались их научным гением. Достаточно вспомнить коллоквиумы И. П. Павлова, где каждое слово великого учителя заносилось на скрижали науки правоверными учениками, чему свидетельство — шесть томов (!) «Павловских сред». Важно отметить, что естественный для научного этоса пietet к учителю оказался благодатной почвой для насаждения монополизма в науке. Для научного сообщества стала естественной борьба за «чистоту рядов». Можно предположить, что в «корифеях» науки воссоздавался феномен непогрешимых идеологических основоположников государства. Наглядным свидетельством «чистки себя под Павловым» могут служить биографии великого учителя, опубликованные его учениками в период 1948—1950 гг., и освящение его именем расправы с «уклонистами» на знаменитой «Павловской» сессии двух академий.

Следовало бы выявить инициаторов, предпосылки, механизмы и критерии выдвижения ученого на звание «корифея» и описать становление «микрофетишей» в отдельных научных дисциплинах и направлениях.

Огосударствливание науки, или «государство — это мы!»

Характерная черта тоталитаризма — подавление любых проявлений независимого творчества и самостоятельности, жесткое управление и регламентирование деятельности всех звеньев системы. Огосударствливание явилось ведущим фактором, определившим идейные, кадровые и организационные изменения во всех сферах общественной жизни.

«Един Бог в небесах и один Царь на земле». Абсолютизация и концентрация административной власти выступают неизменным атрибутом тоталитарного общества. Наука не избежала общей участи, хотя традиции научного сообщества нередко смягчали диктат власти и его последствия.

В первое время власть концентрировалась в руках действительно выдающихся ученых. Например, Н. И. Вавилов одновременно был президентом ВАСХ-НИЛ, директором ВИРа и Института генетики, президентом Всесоюзного географического общества и «прочая, прочая, прочая». Л. А. Орбели был директором двух физиологических институтов, академиком-секретарем Отделения биологических наук и вице-президентом АН СССР, членом бюро президиума АМН СССР, начальником Военно-медицинской академии, председателем Общества физиологов и «прочая, прочая, прочая». Такая концентрация обостряла борьбу за власть и облегчала ее захват. Достаточно было убрать одного лидера, чтобы огромная область науки переходила в подчинение к его противникам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Концентрация власти изначально была не только эффектом самоорганизации управляемой идеологизированной науки, оборотной стороной и неотъемле-

мой частью монополизации, но и удобным, насаждаемым механизмом контроля со стороны центральных органов. Вместе с тем сосредоточение огромной административной власти в одних руках приводило к тому, что лицо, ею облеченное, просто не в силах было реально управлять своей вотчиной. Функции управления фактически передавались специально созданному аппарату или несколькими эмиссарам, которые поначалу действуют от имени «верховного» управителя, выполняя его указания, а затем — просто его именем. Отчуждение реальной власти от юридического обладателя и передача ее аппарату являются достаточно характерными для тоталитарного общества. Однако история возникновения и роль административного аппарата в конкретных научных областях изучены еще недостаточно.

Теперь мы знаем, что внедрение сторонников Лысенко в аппарат ВИР и ВАСХНИЛ фактически парализовало административную деятельность Вавилова, а в небольшом институте Н. К. Кольцова смену власти в условиях отсутствия аппарата пришлось начинать непосредственно со снятия директора. Было бы интересно описать процессы концентрации власти в научных (Вавилов, Орбели), паранаучных (Марр) и псевдонаучных (Лысенко) руках; конкретные механизмы получения власти (занятия руководящей должности), ее отчуждения и формирования аппарата «помощников» в различных дисциплинах и учреждениях.

План — закон. С самого начала Советской республикой наука была признана не только общественной, но и государственной силой. С 20-х годов росли и множились государственные органы управления наукой. Первое время вопросы организации и управления научными учреждениями находились в ведении ВСНХ и различных наркоматов, в первую очередь Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомзема и Наркомтяжпрома. Уже в 1922 г. был организован Особый временный комитет науки при СНК РСФСР, а в 1926 г. — Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР, в функции которого входило утверждение планов деятельности учреждений, назначение их руководства и т. д. Таким образом, уже ко второй половине 20-х годов ясно определился вектор огосударствливания науки: планирование и регламентация тематики научных исследований.

Государственное планирование научной деятельности наряду с положительными моментами значительно усилило негативные тенденции. Борьба с «распылением сил и средств», «мелкотемьем» и «дублированием тематики» существенно ускорила процессы монополизации и упростила уничтожение научных конкурентов и идеологических противников. С другой стороны, появилась возможность получения финансирования на «политически нужные и идеологически выдержанные», но научно несостоятельные темы исследований. По-видимому, если бы кому-нибудь пришло в голову политически и идеологически обосновать проект создания вечного двигателя, открытие специальной лаборатории не составило бы большого труда.

Характерными чертами тоталитарного режима являются милитаризация и эпидемия засекречивания всего и вся. Наука не избежала общей участи. Возникновение закрытых КБ и институтов и их развитие за счет арестованных ученых — это особая тема. Мы лишь отметим, что милитаризация государства в 30-е и последующие годы, несомненно, оказала влияние на развитие советской науки, и в частности на ее огосударствливание.

Некоторые крупные ученые, преимущественно члены Российской академии наук, всячески сопротивлялись государственному планированию и регламентации научных исследований. Свидетельство тому, например, письма И. П. Павлова в президиум АН СССР. В ответ на требование представить научный план возглавляемого им института Павлов пишет: «Мы работаем без плана, увлекаемые, так сказать, током самого исследования... И это не только не мешает делу, а вернее сказать, способствует тому, что новый материал накапливается неудержимо» [1, с. 33]. Однако «что позволено Юпитеру, то не позволено быку»,

подавляющая часть ученых была вынуждена принять предложенные правила игры.

В целях «приведения к покорности» была предпринята реорганизация Российской академии наук, объявленной Постановлением ЦИК и СНК СССР (1925 г.) высшим научным учреждением в СССР. В истории Академии, как и многих других советских учреждений, характерно такое подчинение власти через повышение статуса: чем выше значение, тем больше спрос. Академик А. Н. Бах говорил в 1934 г.: «...приступая к строительству социалистического общества в нашей стране, Советская власть должна была стремиться как можно лучше использовать Академию наук для осуществления своих задач..., закрывая глаза на ее классовое нерасположение к новому строю. Но когда планирование научной работы как необходимейшая составная часть всего планового хозяйства... встретила резкое сопротивление в недрах Академии, пришел час ее реорганизации на новых началах... Академия наук должна была быть омоложена и расширена. Академия наук приблизилась к новой жизни, стала оветской, приняла созданное ей высокое положение. Нетрудно видеть, что перевод Академии наук в Москву является логическим следствием создавшегося высокого положения ее. Став высшим научным учреждением Союза при Совнаркоме..., Академия наук должна быть в тесном непосредственном контакте с правительством и иметь пребывание в Москве как правительственном центре... Дальнейшему развитию деятельности Академии наук в нашем Союзе предстоит очень широкие перспективы» [4, с. 142—143]. Цитата несколько затянута, но зато, к этой характеристике причин реорганизации Академии наук в 1929 г. и ее полного огосударствливания в 1934 г. нечего «ни прибавить, ни убавить».

Вслед за огосударствливанием Большой Академии как изначально государственных учреждения были созданы ВАСХНИЛ, АМН и АПН СССР. Это и обеспечило «простоту маневра» при осуществлении государственных акций в науке. Известно, как мало потребовалось времени и усилий после августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) для монополизации положения Лысенко во всей биологической науке — достаточно было провести заседания президиумов остальных академий. Интересно проследить на конкретных примерах, кто же готовил те или иные принимаемые высокоавторитетными академиями решения. Сведения о «тайных» советниках пока скудны — нам известны единицы, например И. И. Презент.

Практически неизученной остается история различных ассоциаций научных работников, игравших заметную роль в общественных процессах и оказавших немалое влияние на развитие советской науки, в том числе и на процессы огосударствливания. В качестве примера достаточно упомянуть Всесоюзную ассоциацию работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (1928—1939).

Островки свободы. В историко-научных исследованиях, как правило, рассматривается история крупных научных учреждений, академических и ведомственных институтов. При этом в тени остаются история развития вузовской науки и деятельность научных обществ. Между тем именно вузовская наука и научные общества оказались меньше втянутыми в процесс огосударствливания.

Отметим, что финансирование научно-исследовательской работы в вузах всегда было на порядок меньше, чем в академических учреждениях. Однако именно в вузах мы видим проблески самостоятельности и самодеятельности. Вспомним заседание Ученого совета биофака МГУ «О внутривидовой борьбе у животных и растений» (1946), конференции по генетике (1946) и проблемам дарвинизма (1948) в том же университете, вызвавшие яростные нападки лысенковцев, или начало антилысенковского сопротивления в ЛГУ, ознаменовавшееся дискуссией по проблеме вида и видообразования (1954).

Особо почетная роль в организации сопротивления монополистским устремлениям в советской науке принадлежит некоторым научным обществам. Отно-

сительная организационная и финансовая независимость, демократичность выборов руководства обеспечили сохранение в них нормального научного этоса. Известно, что Московское общество испытателей природы и Всесоюзное ботаническое общество стали базой для научной оппозиции Лысенко. На протяжении всего периода засилья лысенковщины в академиях семинары, комиссии, совещания и публикации, организованные этими обществами, были оазисами настоящей науки.

Подробное описание этой независимой науки является не только интересной задачей, но и исполнением нравственного долга перед людьми и учреждениями, сохранившими для нас науку как таковую и демократические принципы научного сообщества в тяжелейших условиях тоталитарной системы.

* *

*

В следующих двух разделах мы рассмотрим тенденции в изменениях структуры самого научного сообщества. В качестве составляющих такой структуры затронем научные коммуникации и социодемографические характеристики. Другие аспекты анализироваться не будут. Упомянем лишь, что любопытным следствием огосударствливания и монополизации науки явилась концентрация научных учреждений в нескольких центрах, преимущественно в столице СССР. Взаимоотношения центральных и периферийных однопрофильных учреждений (кадровые и информационные потоки, сходства и различия выдвигаемых проблем и методов их изучения и т. д.); появление и исчезновение формальных и неформальных научных центров; причины и характер, если можно так выразиться, географических аспектов развития советской науки) остаются практически неизученными.

«Необходимо захватить мосты, почту, телефон, телеграф...»

Связи между членами научного сообщества являются неотъемлемой частью науки. Все научные коммуникации можно условно разделить на две группы: первая — «вертикальные», т. е. подготовка научной смены; вторая — «горизонтальные», т. е. связи действующего научного сообщества (издания, съезды, конференции и пр.). Лишь свободное функционирование этих связей обеспечивает нормальное развитие науки.

Направление главного удара. Воспитание молодого поколения было одной из центральных задач новой власти. Сразу же после революции началась борьба за новую школу на всем ее старом диапазоне — от церковно-приходской до высшей. В. И. Ленин на I Всероссийском съезде по просвещению в августе 1918 г. сказал: «Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие» [5, с. 77].

Начиная с 1918 г., Наркомпрос занялся реформой высшей школы. Были введены бесплатное обучение, выборность профессуры и коллегиальность управления, сняты все ограничения на поступление в вузы. Вместе с тем университеты были лишены остатков автономии и поставлены под государственный контроль, который до 1921 г. ограничивался финансовыми и административными вопросами, не затрагивая учебные программы и преподавательский состав. С 1921/22 учебного года контроль распространился на состав преподавателей и содержание обучения. В это время ряд профессоров отстраняют от преподавания, оставляя за ними право заниматься научной работой. Преподавание — занятие более ответственное, чем научная работа, поэтому практика отстранения крупных ученых от преподавания вошла в плоть и кровь «тоталитарной» науки.

Автоматически при отстранении от преподавания некоторых ученых из вузов изымались целые научные направления. Все началось с отстранения в 1921 г. от преподавания ряда философов, историков и социологов, которые осенью 1922 г. были высланы из страны.

В те же годы начался контроль за приемом в вузы. Уже в 1921 г. введенное «Положение о вузах» подразумевало классовый принцип их комплектования, который первое время проводился в жизнь непоследовательно. В связи с этим в 20-е годы были организованы перерегистрации и чистки студенчества. Первая основательная чистка была проведена в 1924 г. Следующая кампания пришлась на годы «великого перелома». На VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 г. Сталин говорил: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии.

...**Массовый поход революционной молодежи на науку** (выделено автором) — вот что нам нужно теперь, товарищи» [6, с. 77]. Напомним, что за месяц до этого выступления грянуло «шахтинское дело», первое дело старых специалистов.

Решениями Пленумов ЦК ВКП(б) (июль 1928 г., ноябрь 1929 г.) были еще более ужесточены условия приема в вузы. Параллельно с изменением условий приема в вузы происходит изменение принципов отбора «для оставления при кафедре». Формируется институт студентов — «выдвиженцев». В 1929 г. право выдвижения кандидатов в аспирантуру из ведения преподавателей передано в руки партийных, комсомольских и общественных организаций. ЦК ВКП(б) в июне 1929 г. дал прямую директиву местным партийным органам иметь не менее 60% членов партии среди «выдвиженцев» [14, с. 179]. Отметим, что широкое развитие аспирантуры происходило в это время при научно-исследовательских институтах, а не вузовских кафедрах. Сверх того создается институт «рабочей» аспирантуры — набор рабочих в науку, минуя вузы. Необходимо исследовать роль «рабочей» аспирантуры и «выдвиженцев» в дальнейшем развитии советской науки. Уже сейчас известно, что аспирантура ВАСХНИЛ оказалась кузницей кадров для оппозиции Н. И. Вавилову.

Дальнейшая история вузов свидетельствует о постоянном жестком государственном и идеологическом контроле за подготовкой научных кадров. Достаточно вспомнить знаменитый приказ министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова, буквально уничтоживший одним ударом преподавание и преподавателей генетики в 1948 г.

«**Разделяй и властвуй**». Научные издания, особенно периодические, съезды, совещания и конференции выполняют важнейшую роль в поддержании целостности научного сообщества, обеспечивая свободный обмен научной информацией. В 20-е годы, за некоторыми исключениями, такой обмен был действительно свободным. Достаточно вспомнить кооперативные издательства и практику изданий за счет автора. В качестве примера можно привести основные монографии А. Ф. Лосева, опубликованные в 20-е годы, в том числе «Диалектику мифа», вышедшую в 1930 г. (!), или труды И. П. Перепеля по психоанализу. В этот период происходит бурное научное общение: организуются новые журналы, проводятся съезды и конференции. Особо можно отметить международные научные связи, развивавшиеся в это время, иногда еще до установления государственных контактов.

С началом монополистического периода в советской науке сокращается число периодических изданий, съездов и конференций в отдельных отраслях науки. Характерна судьба Всероссийских съездов зоологов, анатомов и гистологов. С 1922 по 1930 г. прошло четыре съезда, на этом их существование закончилось. Достаточно наглядна и судьба съездов научных работников, а также целого ряда других периодически созываемых конференций и совещаний. К сожалению, этот аспект истории научного сообщества практически не изучен.

Что же касается издательской деятельности, то она была поставлена под административно-государственный контроль. Этот контроль был весьма широк и не ограничивался только закрытием или реорганизацией тех или иных журналов, хотя нужно сказать, что 1930 год оказался роковым для целого ряда журналов. Именно в эти годы расцветает институт редакторов, отвечавших за направление и содержание научных изданий. В 30-е годы контроль за содержанием научных публикаций необычайно усилился.

К чему привела такая «зарегулированность» издательской деятельности, можно судить по одной фразе акад. Е. Н. Павловского, докладывавшего о мероприятиях АН СССР по внедрению мичуринского учения в биологии на расширенном заседании президиума АМН СССР в сентябре 1948 г.: «Пересмотрен и представлен в президиум АН СССР состав редколлегий **всех** (подчеркнуто нами.— Д. А., Н. К.) биологических журналов» [7, л. 64]. На этом же заседании И. П. Разенков в качестве решения президиума АМН предложил: «Редакционно-издательскому совету и издательству АМН СССР до 1 ноября 1948 г. пересмотреть все издательские планы и редакционный портфель издательства с целью недопущения проникновения в печать идеалистических концепций и обеспечения издания трудов, развивающих медико-биологические отрасли в духе мичуринского учения» [7, л. 26]. Аналогичные решения были приняты повсеместно.

Международные научные связи начали сворачиваться с середины 30-х годов. Именно в это время впервые появляется признак «низкопоклонства перед Западом». Яркий пример тому — известная кампания против «лузинщины». Начатая несколькими статьями в «Правде», одна из которых так и называлась — «Традиции раболепия», она быстро перекинулась в академическую среду. В постановлении президиума АН СССР от 5 августа 1936 г. «Об академике Н. Н. Лузине» в качестве обвинения выдвигается то, что «наиболее ценные труды помещались только в иностранной печати», а также говорится о «крайне подобоострастном отношении к иностранным ученым». По мнению президиума, «такое лицемерное и двуличное поведение Лузина ... свидетельствует об отсутствии у него элементарного чувства достоинства как гражданина СССР» [Цит по: 8, с. 277].

Некоторое оживление международных связей после победы в Великой Отечественной войне с помощью призрака «раболепия и низкопоклонства» было задушено. Хорошим показателем изменений в международных связях отечественной науки является число переводов иностранной литературы на русский язык и число изданий работ советских ученых на иностранных языках. Отметим, что до войны существовала практика советских научных изданий на иностранных языках.

Проблема коммуникации в истории советской науки практически не разработана, и число возникающих вопросов необычайно велико. Любопытный материал могут дать самые разные наблюдения. Например, всякое нарушение периодичности в обмене научной информацией свидетельствует о каких-то важных событиях в конкретной научной области, которые не всегда могут быть нам известны.

«Кадры решают все»

Советская история науки посвящена либо отдельным великим ученым, либо безликим статистическим закономерностям типа роста численности научных кадров и учреждений. Исследования мало затрагивают реальную жизнь научного социума, находящуюся между этими полюсами, в которой действуют реальные люди, группы, слои, поколения с их различными целями, интересами и побудительными мотивами.

Социальный и психологический портреты советской науки — выявление конкретных социальных групп, определение их состава, ценностных и познава-

тельных ориентиров, возрастных, национальных и прочих особенностей — еще будут написаны.

«Авраам роди Исаака...». В науке всегда происходит борьба старого и нового, основанная на смене поколений. Макс Планк говорил: «Новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней» [Цит. по: 12, с. 191—192]. В «черном юморе» Планка много верного, но в условиях нормального развития науки нет прямого принуждения и никто не пытается ускорить естественный процесс «вымирания» оппонентов. Смена возрастных когорт и научных поколений идет своим чередом. В истории советской науки процессы смены поколений имели очевидное своеобразие.

Сменявшиеся поколения существенно отличались по многим параметрам, прежде всего по степени образованности и уровню культуры. Различия в социальном происхождении, партийной принадлежности, профессиональной подготовленности, существование которых между различными возрастными группами можно предполагать, практически не изучены.

Любопытный материал содержат анкеты ученых, особенно в отношении владения ими иностранными языками. Распространенность различного рода анкет и придание анкетным данным ведущего значения в оценке работника было характерной особенностью не только науки, но и всего советского общества. Необходимо предостеречь исследователей, использующих анкеты в качестве исторического источника. Именно в связи с их значимостью некоторые анкетные данные (происхождение, партийность) нередко фальсифицировались.

Верхи могут, а низы хотят. Любые социальные реорганизации всегда основаны на интересах какой-либо определенной группы. Совпадение интересов «низов» с действиями «верхов» (и наоборот) обеспечивает определенную направленность и успешность таких реорганизаций. Это общее правило соблюдается и в изменениях научного социума.

Первая реорганизация научного сообщества происходила в революционный период. Значительная эмиграция и смертность, с одной стороны, и ломка старых учреждений со сложившейся системой мест и отношений — с другой, заметно изменили социальный и демографический облик науки. В это время складывается первоначальное сообщество советских ученых, в котором далее и разворачиваются события.

Уже в одном из первых эпизодов кадровых перестановок наглядно проявляется совпадение желаний «верхов» и «низов». В 1919 г. все гуманитарное университетское образование было сконцентрировано в факультеты общественных наук (ФОН). На ФОНы пришли кадры марксистов, сформировавшиеся еще до революции, — они впервые занимают профессорские кресла. Некоторое время новые и старые профессора сосуществовали. Но уже к 1921 г. борьба с «буржуазной» профессурой завершилась кадровой реформой, которая освободила еще ряд кресел. Отстранение от преподавания и последующая высылка за границу в 1922 г. видных гуманитариев были проведены не только в интересах политической власти, но и в интересах рядовых преподавателей. Именно таким образом марксистам удалось занять лидирующее положение в гуманитарных науках.

В точных и естественных науках процесс смены кадров происходил почти так же, но освободившиеся места занимали молодые талантливые исследователи независимо от их идеологических убеждений. Н. И. Вавилов занял место умершего Р. Э. Регеля; А. А. Заварзин занял в Военно-медицинской академии кафедру эмигрировавшего А. А. Максимова. Эти и другие молодые профессора принесли на старые кафедры новые идеи и дали мощный толчок развитию возглавляемых ими научных направлений.

К концу 20-х годов выросло поколение ученых, сформировавшихся уже в новой обстановке. Именно это поколение участвовало в работе кружков воин-

ствующих материалистов. Именно это поколение в основной своей массе явилось проводником идеологизации в науке, противопоставляя себя старым научным кадрам. Отнюдь не все молодые ученые были вовлечены в эту кампанию. В качестве примера можно вспомнить конфликт в Институте экспериментальной биологии в 1929 г., закончившийся не только арестом С. С. Четверикова, но и отчислением из аспирантуры Н. К. Беляева, П. Ф. Рокицкого и Б. Л. Астаурова. В этой ситуации «молодые кадры» вели борьбу на два фронта — против «буржуазных» профессоров и против их учеников, своих сверстников.

В это время по всем научным учреждениям прокатывается волна чисток. Конечно, инициатива чисток исходила сверху, но их конкретное осуществление было полностью в руках и интересах «низов». На одном примере реорганизации Академии наук (появление новых академиков, чистка аппарата и замена руководства) можно проследить реализацию интересов всех участвовавших групп.

Роль «выдвиженцев», о которой принято вспоминать в связи с годом «великого перелома», на наш взгляд, в это время как раз была не столь существенна. Они еще не успели сформироваться как ученые и руководители. Важнее в это время оказался институт «назначенцев», которых ставили на место старых руководителей. Смысл происходивших процессов становится ясным из одного архивного документа [9] о реорганизации биологических НИИ. В описаниях результатов чистки в каждом конкретном институте повторяется одна и та же формулировка: «коммунизировано руководство». Воля «верхов» наглядно выражена в Постановлении № 225 СНК РСФСР от 21 февраля 1931 г.: «... более решительно выдвигать на руководящую работу в научно-исследовательские учреждения молодые кадры научных работников, поставив задачей орабочивание состава научно-исследовательских учреждений и борьбу с классово- и идеологически чуждыми элементами среди сотрудников научных учреждений» [10, с. 48, 49]. Молодые кадры были готовы ответить на этот призыв.

Активная деятельность «выдвиженцев» приходится на вторую половину 30-х годов и позже. В дискуссиях и арестах 1936—1939 гг., сессиях, кампаниях и арестах конца 40-х годов «выдвиженцы» и «назначенцы» довели до конца свой спор со старой профессурой, марксистами 20-х годов и не примкнувшими к ним сверстниками. В этом отношении весьма показательна смена директоров, парторгов, заведующих отделами и лабораториями в ряде биологических институтов в 1937—1940 и в 1948—1950 гг. Аналогичные процессы происходили не только в биологических учреждениях.

Чтобы составить более точные представления о социодемографической динамике и борьбе различных групп и поколений в советской науке, необходимо рассматривать ее по отдельным дисциплинам и конкретным направлениям. Можно ожидать, что характеристика социовозрастных групп и время их вступления в борьбу различаются в отдельных науках.

* *

*

Мы рассмотрели некоторые аспекты социокультурного развития науки в СССР преимущественно за период 1920—1930-х годов, почти не касаясь дальнейших событий. Это вызвано не только ограниченностью объема статьи — основные тенденции наметились именно в довоенный период. Более того, мы сознательно провели лишь сугубо «историческое» исследование, не стараясь перевести разговор на проблемы современности. Соответствующие выводы может сделать любой желающий.

Литература

1. Переписка И. П. Павлова. Л., 1970.
2. Леонтович А. В. Несколько слов о «Практической лаборатории по зоопсихологии» и о В. Л. Дурове как зоопсихологе // Тр. практ. лаборат. по зоопсихологии ведения Главнауки Наркомпроса. 1928. Вып. 1. С. 5—10.
3. Ахундов М. Б., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90—99.
4. Фронт науки и техники. 1934. № 5, 6.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.
6. Сталин И. В. Собр. соч. Т. 11.
7. ЦГАОР СССР. Ф. Р-9120. Оп. 2. Ед. хр. 538.
8. Успехи математических наук. 1937. Вып. 3.
9. ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 16. Ед. хр. 47.
10. Организация советской науки в 1926—1932 гг. / Сб. документов. Л., 1974.
11. Merton R. The Sociology of Science. Chicago: Univ. Press. 1973; Современная западная социология науки. Критический анализ. М., 1988.
12. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
13. Украинцев В. В. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963.
14. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988.
15. Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968.
16. Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. М., 1973.

AN ATTEMPT OF A GUIDE FOR UNKNOWN LAND. PRELIMINARY OUTLINE OF THE SOCIAL HISTORY OF SOVIET SCIENCE (1917—1950—TH YEARS)

D. A. ALEKSANDROV, N. L. KREMENTSOV

In this article some aspects of social history of the Soviet science are considered. The changes in diversity of scientific studies and mechanism of monopolisation in the science are treated. Processes of ideologisation and states control of science are discussed. The results of this processes in socio-demographic patterns and communications in scientific community are noted.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ В НЕИЗВЕДАННУЮ СТРАНУ, ИЛИ ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ФИЗИКИ НА ВЗГЛЯД ИСТОРИКОВ БИОЛОГИИ

Г. Е. ГОРЕЛИК

О смелости авторов предыдущей статьи говорит уже ее название. Слово «путеводитель» обещает перечень всех достопримечательностей, а слово «неизведанной» делает подобный перечень невозможным. Настоящая научная (и также историко-научная) смелость заслуживает не только комплиментов, но и критического отношения к ее результатам.

Социальная история науки в СССР — действительно земля, очень мало изведанная. Поэтому, открывая сезон путешествий, хотелось бы иметь в своем распоряжении хотя бы общие контуры этой страны, хотя бы примерное расположение ее горных хребтов и топких болот. Пока же перед немногими готовыми к путешествиям по существу огромное белое пятно. На этом белом фоне даже невооруженный глаз видит россыпь кровавых пятен, которыми отечественная наука обязана своей социальной истории.

Минули, не взглянуть бы, времена, когда историки перемешиванием белого и красного подбирали требуемый розовый колер. Нынче, пожалуй, историку угрожает другая опасность — соблазн докрасить белое и получить одно большое красное пятно на истории мировой науки. Гораздо легче заменить в стерео-